

Уэлш неизменно доказывает, что литература — лучший наркотик.

Spin

Его мастерство, юмор и сочувствие в сумме равняются гениальности. Уэлш — лучшее, что произошло в британской литературе за последнее десятилетие.

Ник Хорнби

Ирвин Уэлш — натуральный уникам: только он может так чудесно смешать нигилизм и мелодраму, снайперски точный реализм (особенно в плане диалекта) и самые универсальные архетипы.

Дэвид Фостер Уоллес

Уэлш — редкой злокозненности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты — хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся — спички между глаз вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребает души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! — такая вот ироническая беллетристика.

*Лев Данилкин
(«Афиша»)*

«Джинсы мертвых торчков» заявлены как заключительный роман о наших любимых героях — и Уэлш оторвался по полной.

The Times

Свершилось! Рентон, Бегби, Больной и Спад снова вместе. Высококотановые злключения на стыке наркоторговли, проституции, голливудской арт-сцены и контрабанды донорских органов, изложенные с поистине садистским апломбом.

Sunday Times

Но есть и вечные ценности: футбол; старое доброе ультра-насилие; шотландский диалект во всей красе. Фанаты Уэлша не разочаруются.

Mail on Sunday

Оторваться совершенно невозможно. Никто лучше Уэлша не передаст оттенки любви и ненависти, что неизбежно сопутствуют дружбе длиною в жизнь.

Esquire

Пятитомную сагу, заключительный том которой мы держим в руках, Уэлш называл своей «гарри-поттеровской франшизой». Это своего рода исследование того, что значит быть мужчиной в современном мире, это сочувственная иллюстрация понятной мысли, что, делаясь старше, мы не обязательно делаемся мудрее.

Financial Times

Все хорошее когда-нибудь заканчивается — и финал вышел крайне достойным. наших четырех друзей не сломали ни наркомания, ни предательство...

National Public Radio

Представьте себе «Одиннадцать друзей Оушена», снятые в манере Чарли Чаплина или Макса Линдера. Любая книга Уэлша переполнена энергией, и «Джинсы мертвых торчков» не исключение.

Publishers Weekly

Очередная доза фирменного уэлшевского абсурдизма — удивительным образом жизнеутверждающего, при всей своей трагикомичности. И даже если мы и вправду прощаемся с полюбившимися за десятилетия персонажами, мы еще не скоро их забудем.

Booklist Review

Особенный талант Уэлша в том, как он умудряется найти комедию в историях о сексуальной одержимости и предательстве, наркомании и смерти. И даже самые кровавые, самые чернушные эпизоды можно отнести к категории уютного чтения.

Kirkus Reviews

Сбросив лишний жир, Уэлш вновь набрал отменную форму — любо-дорого поглядеть.

Esquire

Уэлш снова мастерски играет на нашей любви к запретным плодам, и чем запретнее, тем лучше.

The Times

Недавно Дэнни Бойл вернул наших любимых героев на большой экран, так что и новый роман придется как никогда вовремя. Бегби всегда был самой энергичной движущей силой этого ансамбля, теперь же он выходит на первый план. Да, по сюжету это триллер — но триллер в духе тарантиновских вестернов или военных приключений, когда жанровая оболочка скрывает нечто гораздо большее.

Skinny

Проза снайперски точная, отточенная до остроты бритвенного лезвия.

List

Адреналиновая волна подхватывает читателя на первой же странице и несет, не отпуская.

Independent on Sunday

Главной ценностью романов Ирвина Уэлша являются не лихо закрученные сюжетные линии (хотя они, несомненно, хороши), а язык самого автора и язык его персонажей. Язык уэлшевских романов сотрясает своей развязностью, но в то же время он искренен и точен. Он как бы схватывает те наши мысли, которые ушли в подполье, не желая находиться в одном помещении с нашими же обычными суждениями и умозаключениями.

Культура. Свежая газета

Ирвин Уэлш превращает язык своего детства в средство создания фантастического мира, выходящего далеко за пределы окрестностей Эдинбурга, и маркирует им территорию, не просто ограниченную рамками определенного региона, но лежащую вообще за пределами буржуазной нормы. Язык у Уэлша порой важнее содержания текста. Следует отметить, что сам Уэлш весьма далек от воспевания того, что описывает; даже при передаче речи своих персонажей он все время сохраняет ироническую дистанцию. Герои Уэлша (по крайней мере те, которых он любит) страстно ищут выхода за пределы своего универсума. А когда его находят, оказывается, что нужная дверь возвращает тебя в ту точку, откуда ты начинал.

Илья Кормильцев
(«Иностранная литература»)

С литературной точки зрения Уэлш достаточно прост. Его произведения обычно написаны от первого лица с обильным использованием сленга, жаргона и диалектизмов — характерный пример того, что русские формалисты называли словом «сказ». Это влечет за собой сложности и для переводчика, и для читателя, но должно — по мысли поклонников — гарантировать аутентичность и подлинность высказывания. Сказовая манера у Уэлша дополнена нехитрой монтажной техникой, позволяющей ему избегать простого линейного повествования (особенно это заметно в «Кошмарах аиста марабу»). Впрочем, в 1990-е годы и то, и другое давно уже не в новинку. Вероятно, наиболее близким Уэлшу классиком XX века будет Луи Фердинанд Селин, с его жаргонизмами, натурализмом и экспрессией, сочетающимися с мизантропией и презрением к человечеству. Достоинством выбранного стиля служит то, что он позволяет избежать нравочения: Уэлш, так же, как и Селин, может позволить себе не оценивать своих героев, отказавшись от роли непогрешимого автора.

Критика называет его «постмодернистским Роальдом Далем», однако сам он решительно разрывает с традициями нарочитой интертекстуальности и интеллектуальной усложненности: «Для того чтобы делать то, что я делаю, мне не требуются

отсылки к другим книгам — я подпитываюсь своей собственной культурой. Я стараюсь использовать современную культуру: такую, как видео/музыку/эйсид-хаус, различные переживания — все то, что происходит вокруг. Вероятно, поэтому мои книги рассчитаны скорее на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Если я захочу философии, то я обращусь к философам, а не к романистам».

Разумеется, приведенная цитата не значит, что Уэлш, как герой известного анекдота, «не читатель, а писатель», — он не оспаривает того, что Чарльз Буковски или Уильям Берроуз родственны ему. Речь идет только о том, что при создании своих произведений он отказывается ориентироваться на тексты, а ориентируется на жизнь. Конечно, в высказываниях Уэлша при желании нетрудно увидеть постмодернистский же вызов традиции литературоцентризма и ориентацию на современную аудиовизуальную культуру... Впрочем, легко заметить, что за его словами стоит типично модернистская уверенность в том, что эмоцию возможно передать литературными средствами. Самое удивительное, что в своих лучших произведениях Уэлшу это действительно удается.

Сергей Кузнецов
(«Иностранная литература»)

Ирвин Уэлш — ключевая фигура английской «антилитературы». Проза Уэлша — один из тех редких случаев в серьезной прозе, когда разговоры о жанре, направлении, идеологии и подтекстах почти никак не влияют на прочтение. Это пример чисто экзистенциального письма, прямая трансляция происходящего. Недаром сам Уэлш как-то сказал, что его книги рассчитаны на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Место действия здесь — неуютное пространство между смертью от передозировки, этическим экстремизмом и измененными состояниями сознания. Персонажи говорят на аутентичном эдинбургском диалекте с обильной примесью мата и экзотического сленга. Естественная интонация не оставляет места никаким литературным условностям. В сумме все это производит впечатление стилистического открытия.

Gazeta.ru

Ирвин Уэлш — неоспоримый лидер в новой волне современной британской словесности.

Observer

Читать Уэлша — все равно что смотреть Тарантино: адреналин зашкаливает.

The Spectator

Уэлш наводняет мировой эфир восхитительной какофонией голосов — печальных и смехотворных, агрессивных и раскаивающихся...

Scotland on Sunday

Самое прекрасное во вдохновении — то, что никто, кроме тебя, не знает его настоящего источника. Иногда не знаешь и сам. Бывает, пытаешься провести четкую линию между явлениями, которые легли в основу книги, и не можешь. Так что лично я оставляю эту работу подсознанию.

Ирвин Уэлш

Посвящается Саре

Пролет. Летне 2015

ЛЕТУНЫ

По спине стекает беспокойный ручеек пота. Нервы на пределе, зубы, нахуй, лязгают. Сидишь, сука, в эконом-классе, зажатый между жирным пиздюком и дерганым ебалагой. Не срослось с местом в бизнес-классе в последний момент, и щас так всю грудь сдавило, чё ни вздохнуть, закидуюсь еще одним амбиеном и отвожу взгляд, чёбы алкаш рядом не засек. Штаны пиздец как обтягуют. Никада не могу найти подходящий размер. На мне тридцать вторые, так они узкие, а тридцать четвертые висят мешком и хуево смотрятся. Мало где можно достать мой оптимальный тридцать третий.

Чтобы отвлечься, беру свой «Диджей-мэг» и трясущими руками листаю страницы. Перебрал с бухлом и снежком вчера на сейшене в Дублине. В который раз. Потом прилетел на Хитроу, горячая перепалка с Эмили — единственной бабой с тройки диджеев, которыми управляю. Хотел, чёб она вернулась в студию сводить демку, от которой я гащуся, хоть у нее самой и ноль веры в нее. Начал прессовать, она завелася, закатила сцену, как она умеет. Кароч, оставил ее в аэропорту, а сам сел на транзитный до Лос-Анджелеса.

Заебался, спина ноет, и я на грани недетской панической атаки, а алконавт рядышком все триндит и триндит,

транслируя свой страх всему самолету. Я сижу и просматриваю журнал, вздыхаю и молю Бога, чтобы колеса наконец встали.

Потом чувак вдруг замолкает, и я чувствую, что надо мной стоит кто-то. Опускаю журнал и поднимаю голову.

Первая моя мысль: «Нет».

Вторая: «Блядь».

Он стоит в проходе, клешня небрежно свисает со спинки сиденья, над бóшкой перебздевшего алкаша. Эти буркалы. Так и прожарюют тебя насквозь. Слова, что хочу сказать, испаряются в пересохшей горлянке, как вода в пустыне.

«Франко. Фрэнсис Джеймс Бегби. Какого хуя?»

Мысли сыпятся лихорадочным потоком: «Ну все, пора уступить, а не линять — линять же некуда. Но что он тут может сделать? Грохнет миня? Разобьет самолет, совершит суицид и утащит всех за собой? Ясен пень, это конец, но как он поквитается?»

Он просто смотрит на меня со спокойной лыбой и говорит:

— Здоров, старина. Скока лет, скока зим.

Ну и ну, этот ебучий псих ведет себя так разумно, что явно что-нибудь отчубучит! Я вскакую, перелезаю через жирного мудака, и тот взвизгивает, када мой каблук съезжает ему по ноге. Вывалююсь в проход, хуйнув себе колено, но потом быстренько встаю на ноги.

— Сэр, — верещит приближающаяся стюардесса с жесткими от лака светлыми волосами, пока жирный гандон за спиной возмущенно воет.

Протискуюсь мимо нее, врываюсь в парашу, захлопываю и запираю за собой дверь. Прижимаюсь всем телом к этой хлипкой преграде между мною и Франко. Сердце хуярит как барабан, пока тру ноющую коленку.

Снаружи настырный стук.

— Сэр, у вас там все нормально? — стюардесса, голо-
сом сестры милосердия.

Потом снова слышу эту подрывную нормальную инто-
нацию, бесцветный заокеанский вариант того голоса, за ко-
торый я до боли в курсах:

— Марк, это я... — он запинается, — Фрэнк. У тебя там
все нормально, дружище?

Фрэнк Бегби — уже больше не абстрактное понятие
или какой-то призрак, порожденный горестными воспоминаниями в уголке моего мозга и незримо витающий вокруг
меня в воздухе. Он обрел плоть и кровь в самой буднич-
ной обстановке. Он щас с другой стороны этой всратой
двери! Но я вспоминаю за его табло. Даже мельком взгля-
нув на Франко, я почувал в нем чё-то совершенно другое.
Дело не тока в том, как он постарел, — вполне нормально,
я щитаю, но када я последний раз видел этого пиздюка, он
валялся, весь в крови, на проезжей части в конце Лит-уок,
сбитый на скорости тачилой, чисто после того, как сломя
голову кинулся в погоню за мной. Такое ни в ком не раскры-
вает лучших качеств. И вот сейчас он поймал меня в эту
ловушку на высоте шести миль.

— Сэр! — снова стучит стюардесса. — Вам плохо?

Амбиен меня успокаивает, на одно деление уменьшая
панику.

«Он ни хрена не сможет тут сделать. Если этот пиздюк
заведется, его ткнут электрошокером и повяжут, как тер-
рориста».

Дрожащей рукой отворяю со щелчком дверь. Он стоит
напротив.

— Фрэнк...

— Этот мужчина с вами? — спрашивает стюардесса
Франко.

— Да, — говорит он, напуская на себя авторитет-
ность, — я о нем позабочусь, — и поворачуетса ко мне, избоб-
ражая участие: — Все нормально, корешок?

— Угу, просто запаниковал малехо... думал, ща рыгать начну, — говорю ему, быстро кивая стюардессе. — Я немного боюсь летать... Это, рад тебя видеть, — решаюсь сказать Фрэнсису Джеймсу Бегби.

Стюардесса настороженно сваливает, а я сам про себя: «Не уходи». Но Франко, загорелый и стройный, в белой футболке и с прикольным пятном красного вина, невероятно спокоен. Он стоит и просто улыбается мне. Но не как шизоид, чё держит порох сухим, хоть иво переполняет подавленная угроза, а так, кабута он даже *не злит*ся.

К своему полному, блядь, изумлению, я врубаюсь, чё не просто ждал этого дня, а чё теперь, када он наступил, даж охуенно этому рад. С моих дряхлых плечей спадает груз, и миня мутит от пугающей, головокружительной свободы. Может, амбиен.

— По-моему, я тебе денег должен, Фрэнк... — вот и все, чё я могу родить, пока какой-то парень протискивается мимо нас в сортир. Больше тут и сказать нехуй.

Франко продолжает смотреть на меня с улыбкой, поднимает брови.

Бля буду, есть тут и старый, сука, должок, а потом и кидалово буйного неадекватата, чё большую часть жизни провёл за решеткой. Ты слышал по сарафанному радио, чё он давненько тибя ищет, а несколько лет назад почти тибя поймал, хотя и сам пострадал при этом нехило. «Денег должен» — это еще очень мягко, блядь, сказано. Я могу тока стоять тут с ним, в тесном пространстве у параши, — пока мы летим по небу в этой металлической трубе, а вокруг режут двигатели.

— Слышь... Я знаю, чё должен вернуть тибе долг, — говорю, клацая зубами, и ясно как день врубаюсь не тока в *это*, но и в то, чё это вполне реально сделать и он миня нахуй не замочит.

Фрэнк Бегби все так же расслабленно усмехается и ведет сибя непринужденно. Даже взгляд иво кажется бла-

гостным, а совсем не маньячным и не угрожающим. На лице больше морщин, и это миня удивляет: они на смешинки смахивают. Бегби редко веселился — ну разве над чужими бедами, результатом собственных действий. Руки у ниво такие ж сильные: тугие кабеля мышц вывалюются с футболки с этой странной меткой.

— Проценты могут быть довольно высокими. — Он снова поднимает брови.

Они будут, нахуй, астрономическими! Это не просто денежный долг. И даже не просто членовредительство, када он без оглядки бросился наперерез мчащейся тачке в маньячной погоне за мной. Это были узы очень и очень давней нездоровой дружбы. Я никада не мог этого постичь, но пришел к убеждению, чё частично это меня и сформировало.

Пока я не кинул иво на те бабки.

Мы провернули одно левое дельце с наркотой. Я был молодым торчком, и мне просто надо было съебать нахуй с Лита, с того болота, куда меня засасывало. Эти деньги были билетом на волю.

Щас я даж не могу ответить на вопрос, какого хуя этот пиздюк делает на рейсе в Л.-А., — щас я сам должен оправдываться. Я прикидываю, чё он заслуживает хотя бы моей попытки объяснить всё, кароч, я скажу ему почему. Почему кинул его, Больного, Второго Призера и Спада. Хотя нет, Спад — с другой оперы. Я вернул деньги Спаду и, гораздо позже, Больному, а потом приложил руку к тому, чёбы нагреть этого пиздюка еще больше, в другой провальной афере.

— Я готов был вернуть тебе долг, — заявляю, сжимая челюсти, чёбы не стукали, — но я был в курсах, чё ты миня ищешь, и решил держаться от греха подальше. Потом произошла эта авария...

Морщусь, вспоминая, как эта «хонда-сивик» подкинула иво в воздух и он жмаканой грудой бухнул на асфальт.

Как я его поддерживал, пока не приехала «скорая», и он потерял сознание. В тот момент я в натуре поверил, чё он откинулся.

Пока говорю, все тело непроизвольно еще больше напрягается, опасаясь резкого тычка, но Франко просто терпеливо слушает, глубоко втягуя стерильный воздух. Пару раз мне кажется, чё он подавляет сильное желание заговорить, пока об нас трутся бортпроводники и пассажиры. Када заканчиваю свою запыханную трепотню, он просто кивает:

— Да.

Я выпадаю в осадок. Я бы попятился в недоумении, если б было куда на этой тесной площадке, где мы оказались заперты.

— Да... в каком смысле «да»?

— В смысле, я догоняю, — он пожимает плечами, — я понимаю, чё тебе выбраться надо было. У тебя с наркотой пиздец. А у миня пиздец с беспределом и синькой. Ты догнал, чё надо валить с того места, где мы были, еще до того, как в это врубился я.

«Чё за хуйня?»

— Угу, — все, чё могу сказать. Я должен был перетрухать, но чё-то не чую подставы. С трудом верится, чё это Франко. У него ж никогда таких заморочек не наблюдалось, и он даж стеснялся раньше такие слова употреблять. — Но я выбрал не тот спасательный аппарат, Фрэнк, — признаюсь униженно и смущенно. — Я развел своих же друганов. Как ни крути, а ты, Больной, Спад и Второй... Саймон, Дэнни и Рэб, вы ж были моими друзьями.

— Ты подосрал Спаду, када хрустов иму дал. Он опять на герыча присел.

Лицо у Франко становится холодным и бесстрастным — раньше оно меня выбешивало, ведь обычно это предваряло беспредел. Но теперь все кажется другим. И мне нече-

го возразить по поводу Спада. Все так и есть. Те три тыщи двести фунтов нихера иму не помогли.

— Если б ты то ж самое для миня сделал, ты бы, наверно, мне с бухлом подосрал. — Он понижает голос, когда мимо проходит еще одна стюардесса. — Поступки редко приводят к желаемым результатам.

— Все так, — мямлю, — но для миня важно, чёбы ты знал...

— Давай за это все не будем. — Он поднимает ладонь, качая головой и слегка жмурясь. — Расскажи лучше, где тибя мотало? Чё мутил?

Мине остается тока подчиниться. Но я думаю за то, как *он* дошел до жизни такой, и распутываю свои мысли. После того как Франко попытался наброситься на меня в Эдинбурге, хоть его потом и закрыли, я стал очень мобильным директором диджеев, а не островным клубным промоутером, которым был раньше. Директор вечно на ногах. Он разъезжает со своими клиентами по всему свету: у танцевальной музыки уже нет границ, ля-ля-тополя. Но это была просто такая отмазка, чёбы путешествовать, оставаться в движении. Угу, это кидалово на пару вшивых тыщ предопределило не только его, но и мою жизнь. Может, даже больше мою, чем его.

Потом к нам подкатывает эта красивая девица со светлыми волосами до воротничка. У нее стройная, спортивная фигура, лебединая шея, а глаза излучают какое-то спокойствие.

— Так вот ты где, — говорит она, улыбаясь Франко, и, повернувшись ко мне, вынуждает нас познакомиться.

«Чё за хуйня?»

— Это Марк, мой старый друг из Лита. — Пиздюк такой, и это смахует, как ебучий Большой изображал Коннери в роли Бонда. — Марк, это моя жена Мелани.

У меня аж голова кругом от удивления. Потной ладонью тянусь в карман за утешительным пузырьком амбие-

на. Никакой это не мой старой друган и смертельный враг Фрэнсис Джеймс Бегби. До меня вдруг доходит кошмарный варик: а может, я всю жизнь боялся чувака, которого больше не существует? Пожимаю мягкую, с маникюром руку. Мелани таращится на меня в непонятках. Видать, пиздюк даже ни разу за миня, блядь, не заикнулся! Не могу поверить, что Бегби настолько изменился: (бывший) лучший друган его кидает, сам Франко получает из-за него нехилые травмы и при этом не удосуживается хотя бы от нефиг делать упомянуть за него своей тёфанке!

Но Мелани это подтверждает, с американским акцентом:

— Он никогда не рассказывает о своих старых друзьях — да, милый?

— Просто они в основном на нарах чалятся, и потому ты их знаешь, — говорит он и наконец становится немногим похожим на того Бегби, которого знал я. Это стремает и в то же время успокаивает. — Мы познакомились с Мел в тюрьме, — поясняет он. — Она арт-терапевт.

В голове что-то мелькает: размытый фейс, обрывок терки, подслушанной в шумном клубе под ешками, или словесного поноса под коксом: может, это был мой диджей-ветеран Карл или какой-то эдинбургский чел, приехавший на каникулы в Амстик. Насчет того, что Фрэнк Бегби типа стал преуспевающим художником. Я никогда не принимал это на веру, и мое сознание это отвергало. Просто я не реагировал на любые упоминания иво имени. А это была самая бредовая и неправдоподобная с множества баек, чё за ниво травили.

— Что-то вы на блатаря не похожи, — говорит Мелани.

— Я больше социальный работник с функциями тюремного надзирателя.

— И чем же вы на жизнь зарабатываете?

— Руководжу диджеями.

Мелани поднимает брови:

— Я кого-нибудь из них знаю?

— Самый мой известный — диджей Техноботан.

Фрэнк только лупает глазами, чего не скажешь о Мелани.

— Надо же! А я о нем слышала. — Она поворачивается к Франко: — Рут ходила на его концерт в Лас-Вегасе.

— Да, у нас контракт в отеле «Уинн», ночной клуб «Саррендер».

— «Входишь и выходишь из жизни моей, тырываешь мне сердце, ей-ей...» — Мелани вполголоса напевает последний хит диджея Техноботана, или Конрада Аппельдорна.

— Я за эту в курсах! — заявляет Франко с неподдельным интересом, и звучит это очень по-литски. Он смотрит на меня, как будто впечатлен. — Молоток.

— Есть еще одно имя, которое вы, возможно, знаете, — решаюсь вставить. — Помнишь Карла Юарта? ЭН-СИН? Звездил в девяностые или, точнее, больше в нулевые? Тусил с Билли Бирреллом, боксером?..

— Угу... а это не тот типа альбиносик, корефан Джуса Терри? Тот пацик стенхаусский?

— Угу. Он самый.

— Так он еще диджеит? Ничё за ниво щас не слышать.

— Угу, перекинулся на саундтреки для кин, но разбежался со своей тёфанкой, черная полоса у чела, и подставил Голливуд с музоном для крупной студийной киношки. Больше не может получить левака для кин, ну и я уговарую иво в диджеи вернуться.

— Ну и как оно ничё? — спрашивает Фрэнк, а Мелани поглядывает то на него, то на меня, как будто смотрит теннисный розыгрыш.

— Не айс, — признаюсь, хотя говно и то лучше.

У Карла пропала тяга к музыке. Я могу тока вытащить пиздюка с постели и поставить за пульта. Как тока сейшен кончается, водяра рекой и ебля с пляской, ну и меня

частенько в водоворот затягует. Как вчера в Дублине. Когда я был промоутером в Амстердаме, то держался в форме. Каратэ. Джиу-джитсу. Пахал как вол. Штас такого уже нет.

Как тока чувак освобождает туалет, Мелани туда заходит. Стараюсь даже не думать за то, какая она красавица, потому как уверен: Франко прочитает мои мысли.

— Слышь, корефан, — понижаю голос. — Не думал, чё все так обернется, но нам есть за чё малехо перетереть.

— Да ну?

— Угу, есть же этот вопрос, и иво надо решить в твою пользу.

Франко смотрит как-то смущенно, потом пожимает плечами и говорит:

— Махнемся номерами.

Пока обмениваемся контактами, появляется Мелани, и мы все возвращаемся на свои места. Снова сажусь, рассыпаясь в извинениях перед жирным мудаком, который отправляет меня в игнор, но сидит с возмущенно надутыми губами, точно приклеенными, пассивно-агрессивно потирая свою мясистую ляжку. Вздрагую от страха и волнения, которых уже сто лет не испытывал. Алкаш-аэрофоб смотрит на меня с осоловелой панической эмпатией. Если я встретился с Фрэнком Бегби в таких обстоятельствах, это говорит о том, что у вселенной слетела кукушечка.

Закидуюсь еще одним амбиеном и начинаю кемарить: мой беспокойный мозг циклится на житейских раскладах. Думаю, как они тебя ожесточают и отупляют...

«...на чё-нибудь классное у тебя тупо нет больше времени, и ты постоянно увязаеть в какой-то лабуде, в общем, тебе становится поебать на чужую дрисню — если выделить ей место, она ж тебя просто переполнит — тада ты оттягуешься и зыришь „Поп-идола“ — самой собой, с иронией, с морем пафосного, въедливого презренья, — но иногда, только иногда, это не может полностью заглушить стран-

ную переполняющую тишину, и чё-то там негромко шипит на заднем плане — с этим звуком из тебя вытекает жизненная энергия...

— слыыыыыыишишишь...

— с этим звуком ты подыхаешь — ты пленник собственного самоутверждения, самоограничивающих алгоритмов, позволяешь гуглу, фейсбуку, твиттеру и амазону заковать тебя в психологические цепи и впаривать тебе сраную одномерную версию тебя самого, и ты принимаешь ее, потому как это единственное утверждение, которое есть в наличии, — вот твои друзья — вот твои коллеги — вот твои враги — вот твоя жизнь — тебе нужен хаос, нужна внешняя сила, чёбы встряхнуть и вывести тебя с этого самоупоения — тебе это надо, потому как у тебя самого уже не хватает на это воли и фантазии, — когда я был помоложе, Бегби, так резко соскочивший со своей литско-тюремной колеи, сделал это за меня — это кажется шизой, но какая-то часть миня всегда скучала за пиздюком — ты должен жить, пока не сдохнешь...

— ну и как же ты живешь?»

Позже в аэропорту еще немного болтаем, дожидаясь, пока нам багаж подгонят. Пытаюсь растянуть поясицу, а Фрэнк показывает мне на трубе своих детей — двух милых девочек. Все это совершенно вышибает. Почти похоже на здоровую, нормальную дружбу, чё должна была у нас быть, вместо моих постоянных попыток хоть как-то остановить иво беспредел. Он рассказывает мне за свою предстоящую выставку, зазывает туда и тащится от недоверия на моем щачле, а я даж не пытаюсь иво скрыть, пока ко мне медленно подъезжает мой клетчатый чемодан на колесиках.

— Угу, знаю, — снисходительно соглашается Бегби, — прикольные старые расклады, Рентс.

— Базара нет.

«Франко. Выставка, блядь! Такой хуйни нарочно не придумаешь!»

Кароч, смотрю, как он выходит с зала прилета лос-анджелесского аэропорта со своей молодой женой. Она умная и клевая, и у них явно любовь. Это большой шаг вперед, если сравнивать с той, как ее, в былые времена. Схватив бутылку воды с автомата, заглатываю еще один амбиен и направляюсь в автопрокат с тревожным чувством, что вселенная съехала с катушек. Если бы здесь и сейчас кто-то сказал мне, чё «Хибзы»¹ выиграют в следующем сезоне Кубок Шотландии, я бы практически ему, нахуй, поверил. Стыдно признаться, но горькая правда в том, чё я завидую пиздюку — художнику и творцу с шикарной чиккулей. Не могу не думать: «На его месте должен был быть я».

¹ «Хиберниан» (*Hibernian F. C.*, с 1875) — шотландский профессиональный футбольный клуб из эдинбургского района Лит. Основан католическим священником Эдвардом Ханноном и первоначально предназначался для членов ирландской иммигрантской общины (откуда название, происходящее от латинского наименования Ирландии — *Hibernia*). Домашняя арена клуба — стадион «Истер-роуд». — *Здесь и далее примеч. перев.*